

# Альберт Бартошевич

---

## История деривации отсубстантивных имен существительных на -арь в русском литературном языке

---

Studia Rossica Posnaniensia 3, 107-119

---

1972

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej [bazhum.muzhp.pl](http://bazhum.muzhp.pl), gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АЛЬБЕРТ БАРТОШЕВИЧ

Познань

## ИСТОРИЯ ДЕРИВАЦИИ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА *-арь* В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Русскому языку издавна известны конкретные имена существительные на *-арь*, *-ар*, *-яр*, соотносительные с именами существительными и с глаголами. Обычно в таких случаях имеются в виду два суффикса: *-арь* и *-ар/-яр*. Так они даются в *Русском языке* В. В. Виноградова, в книге *Современный русский язык. Морфология*, в *Грамматике русского языка* и в *Грамматике современного русского литературного языка* АН СССР. Однако *-арь* и *-ар/-яр* функционально не различаются, обладают достаточной формальной близостью, а их генетическое различие неясно<sup>1</sup>. Поэтому *-арь*, *-ар* и *-яр* принимаются нами как алломорфы одного суффикса (ср. дериваты *винарь*, *овчар*, *гусляр*), представляемого нами в основном, наиболее распространенном его виде *-арь*.

Известно, что суффикс *-арь* является общеславянским и имеется во всех славянских языках. Но, строго говоря, он может не относиться к праславянскому языку, так как был заимствован из латинского языка (*-arius*) через посредство древневерхненемецкого<sup>2</sup>. Интересно еще, что первые наиболее древние дериваты на *-арь* являются, по-видимому, отыменными образованиями, а соотношение их с глаголами, на основании которого потом возникают слова типа *зидарь*, *тяжарь*, опосредствованно, вторично<sup>3</sup>.

Подавляющее большинство производных имен существительных на *-арь* в русском литературном языке соотносилось и соотносится с конкретными нарицательными именами существительными<sup>4</sup>. Если еще учесть, что в сло-

---

<sup>1</sup> См. А. Мейе, *Общеславянский язык*, Москва 1951, стр. 298 - 299.

<sup>2</sup> Там же, стр. 299; J. Schütz, *Lexikologisches und chronologisches zu den Bildungen mit -arъ*, „Die Welt der Slaven“ 1960 Н. 3 - 4, S. 410.

<sup>3</sup> Ж. Ж. Варбот, *Древнерусское именование словообразование*, Москва 1969, стр. 90.

<sup>4</sup> Для языка XI - XIV вв. Н. В. Чурмаева (*Существительные с суффиксом -арь со значением действующего лица в древнерусском языке XI - XIV вв.* В сб.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка, Москва 1964, стр. 261) отмечает 30 отыменных

вообразовании отражаются общие отношения частей речи<sup>5</sup>, что каждое определение понятия о новом предмете создается путем указания на другие понятия, уже известные и оформленные в языке в виде слов, что появление новых слов регулируется внеязыковыми логическими связями, реально существующими у данного предмета мысли<sup>6</sup>, то ограничение настоящей статьи наблюдениями лишь над деривацией имен существительных на *-арь* от конкретных нарицательных имен существительных станет вполне понятным.

Дериваты на *-арь*, соотносительные с конкретными именами существительными, характеризуются определенными структурными и функциональными признаками. Кроме основных дифференциальных и объединительных признаков, т.е. характера производящей базы и словообразовательного средства, в структурном плане важно еще отметить, что в процессе деривации такого рода слов иногда происходит фонетическая модификация<sup>7</sup> финали основы производящего. К таким модификациям следует отнести редукцию конечного согласного *-й* (*свинья* — *свинарь*) и чередования [д'] - [д] (*гвоздь* — *гвоздарь*), [к] - [ч] (*собака* — *собачар*), [л] - [л'] (*стол* — *столяр*), [н'] - [н] (*баня* — *банарь*), [с'] - [с] (*гусь* — *гусарь*), [ц] - [ч] (*овца* — *овчар*), [е] - [ø] (*пес* — *псарь*), [о] - [ø] (*шинок* — *шинкарь*). В функциональном же плане дериваты на *-арь*, соотносительные с конкретными именами существительными, являются личными именами, значение которых основано главным образом на четырех типах отношения лица к предметам действительности, т.е. обусловлено четырьмя типами семантико-логической мотивации, а именно: наименование лица по продукту труда (*гвозди* — *гвоздарь*, *деготь* — *дегтарь*), обозначение лица по предмету труда или ухода (*жито* — *житарь*, *лес* — *лесарь*, *овца* — *овчар*), наименование лица по месту труда (*вежа* — *вежарь*, *баня* — *банарь*) и по орудию труда (*пушка* — *пушкарь*).

и только 7 отглагольных имен на *-арь* со значением действующего лица. О таком состоянии соотношения имен на *-арь* с именами существительными, с одной стороны, и с глаголами, с другой стороны, см. *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва 1970, стр. 106 и 52.

<sup>5</sup> См.: М. Д. Степанова, *Словообразование современного немецкого языка*, Москва 1953, стр. 357; В. Н. Хохлачева, *О некоторых принципах построения описательной морфологии современного русского литературного языка*, „Филологические науки“ 1969, № 5, стр. 99.

<sup>6</sup> В связи со сказанным заслуживает внимания замечание Г. О. Винокура (*Избранные работы по русскому языку*, Москва 1959, стр. 420), что „... известная сторона отношений, существующих у данного предмета мысли, находит свое выражение в тех отношениях, которые существуют внутри самого слова“. Это положение легло в основу теории М. Докулила и его сторонников, которые решают вопрос прежде всего о том, какие внеязыковые отношения выражаются в структуре производных слов.

<sup>7</sup> Если за основную принять основу начальной формы слова (*пес-ø*, *собак-а*, *стол-ø*), то фонетически модифицированные производящие основы часто совпадают с алломорфами данной основы. Сравнить: *пес* (*пса*) — *псарь*, *стол* (*столе*) — *столяр*, *собака* (*собачий*) — *собачар*, но *гвоздь* — *гвоздарь*.

По данным памятников письменности уже в языке XI - XIV вв. была довольно многочисленная группа имен существительных на -арь<sup>8</sup>, в состав которой входили не только исконные слова, соотносящиеся с именами и глаголами, но и заимствованные из других языков, в частности из греческого (напр.: *келарь*, *пономарь* и др.). Что касается отсубстантивных личных имен на -арь, то материалы Срезн. и КСДЯ позволяют нам судить, что в языке того времени наличествовали следующие интересующие нас образования: *вежарь*, *винарь*, *вратарь*, *глинарь*, *горнчарь*, *градарь*<sup>9</sup>, *гусарь*, *житарь*, *златарь*, *здарь*, *ключарь*, *краварь*, *корчмарь*, *лесарь*, *медарь*, *мытарь*, *ниварь*, *плугарь*, *покрутарь*, *пударь*, *рыбарь*, *садарь*, *скотарь*, *усмарь* (от *усьма* 'кожа'), *хлебарь*, *църквварь*, *чреварь*, *язьнарь*. Отмеченные лексемы были присущи прежде всего языку памятников письменности церковного характера. Сравнить: *единь вежарь обыць братии* (Срезн. — Златостр. XII в.); *рече же къ винареви* (Срезн. — Лук. XIII. 7. Остр. ев.); *вратаря възъвавъ, пыташе и, еда кѣто къ воротамъ приходи* (Срезн. — Нест. Жит. Феод. 12); *черници вземше мечь даша златареви рекше* (КСДЯ — Прол. XIII, 14); *акы ключарь порученое ти роздаваи* (Срезн. — Сб. 1076 г.); *ныне же пастух и краварь* (Срезн. — Гр. Наз. XIII в. толк. Ник. Ир.); *бе художствомъ человекъ ты кърчмарь* (Срезн. — Георг. Ам. 319); *аще въ пърси биемся, акы мытарь* (Срезн. — Сб. 1076 г.); *быща брати множества ремества различна ... огородникъ, плугаревъ* (КСДЯ — Панд. Ник. Черн., № 16); *ята бысть рыба рыбаремъ* (Срезн. — Сл. Дан. Зат. XII, 34); *яко садарь прехытръ показа людъмъ животьное древо* (Срезн. — Мин. Пут. XI в., 107); *святый Акула усмар бе хитростью* (КСДЯ — Прол. XIV в., л. 131). Лишь одно образование *гусарь* характеризуется употреблением только в памятниках светского характера: *бе отрокъ сиротою малъ, а именем гусарь, ибо егда наимаешся паствити гуси* (КСДЯ — Изм., 334 об.). Следующей важной чертой указанных лексем является то, что подавляющее большинство их обозначает лицо по предмету как объекту труда.

Многие личные отсубстантивные имена существительные на -арь, известные древнерусскому языку XI - XIV вв., в последующих столетиях перестали употребляться<sup>10</sup>. Это было обусловлено рядом явлений, к важнейшим из которых, кроме стилистической приуроченности, относится исчезновение из жизни тех занятий, названиями которых они служили (напр., *пударь*), и вы-

<sup>8</sup> См. Н. В. Чурмаева, ук. соч., стр. 260.

<sup>9</sup> Гр. Дьяченко (*Полный церковнославянский словарь*, Москва 1899, стр. 130) утверждает, что *градарь* происходит не от *градъ*, а от *гряда* (в огороде), а Н. В. Чурмаева (ук. соч., стр. 261) соотносит *градарь* с глаголом *градити*.

<sup>10</sup> Подробнее об этом см. указанную статью Н. В. Чурмаевой. Примечательно еще то, что из отмеченных нами дериватов на -арь в современном литературном языке, по данным словарей, сохранились лишь *вратарь* с измененным значением, *гончар*, *корчмарь* и *мытарь* (с новым значением).

теснение их словообразовательными синонимами (напр.: *лесник* вместо *лесарь*, *скотник* вместо *скотарь*, *ключник* вместо *ключарь* и др.)<sup>11</sup>.

Следовательно, уже в древнерусский период была подготовлена почва для исчезновения из языка лексем на *-арь* и были серьезные препятствия для деривации слов с помощью *-арь*. Но эта очевидная тенденция не была одинаково последовательной в дальнейшей истории русского литературного языка.

Так, начиная с XV в. вплоть до XVIII в., в памятниках письменности наряду с ранее известными отсубстантивными именами на *-арь*, употребляющимися обычно в церковных памятниках, появляются новые отсубстантивные личные имена на *-арь*. Вероятно, этому способствовало усиление роли церковнославянского языка в письменности эпохи Московского государства и влияние других языков, в частности польского (ср. *почтарь*, *шинкарь*)<sup>12</sup> и немецкого (ср. *аптекарь*)<sup>13</sup>. Однако, несомненно, что большинство из них является русскими дериватами, созданными по образцу существующих в ту эпоху слов-структур на *-арь*. По данным Срезн. и КДРС в языке письменности XV - XVII вв. появляются следующие интересующие нас лексемы: *аптекарь*, *банарь*, *бочар*, *виноградарь*, *гвоздарь*, *говедарь*, *дегтарь*, *дохнарь*, *звонарь*<sup>14</sup>, *золотарь*, *лекарь*<sup>15</sup>, *овчар*, *почтарь*, *пушкарь*, *псарь*, *столяр*, *цеботарь*, *шинкарь*. Сюда еще можно причислить несколько дериватов данного типа, которые зафиксированы в Полик. лекс., так как они, по-видимому, употреблялись уже в конце XVII в.: *бляхарь*, *козарь*, *ослярь*, *стклярь*.

<sup>11</sup> См. также указанную статью Н. В. Чурмаевой.

<sup>12</sup> См. Н. А. Смирнов, *Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого*, „Сборник ОРЯС” 1910, т. 88.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> В отношении характера производности слов типа *звонарь* примечательно высказывание Г. Пауля: „В тех случаях, где имеются соответствующие друг другу имя существительное и глагол, производное слово, образованное от одного из них, непременно соотносится также и с другим, в результате чего это производное слово может представляться языковому чутью в равной мере как отыменным, так и отглагольным образованием” (Г. Пауль, *Принципы истории языка*, Москва 1960, стр. 290). В нашем случае более вероятна мотивация по средству труда (*звон* — *звонарь*), чем по действию (*звонить* — *звонарь*), так как отглагольные образования на *-арь* были очень редки (см. В. Л. Воронцова, *Словообразование существительных со значением действующего лица в древнерусском языке*, канд. дисс., Москва 1953, стр. 313) и являлись опосредственными, вторичными по отношению к отыменным (см. Ж. Ж. Варбот, ук. соч., стр. 90).

<sup>15</sup> О субстантивном характере производящего свидетельствует его первичное значение: *лекарь* — это лицо, приготовляющее леки (лекарство). О соотношении *лек* — *лекарь* см. также: Л. А. Булаховский, *Сравнительно-исторические комментарии к восточнославянскому ударению*. В сб.: Вопросы славянского языкознания, кн. 4, Львов 1955, стр. 20. Уместно еще отметить, что в этой статье Л. А. Булаховский утверждает, что *лекарь* является, вероятно, старым полонизмом.

Необходимо отметить, что некоторые из указанных нами имен на *-арь* требуют особого рассмотрения. Это касается прежде всего слов *аптекарь*, *почтарь* и *шинкарь*. Обычно и не без каких-нибудь оснований их считают заимствованиями<sup>16</sup>, причем Н. А. Смирнов причислил их к заимствованиям Петровской эпохи. Из этих слов наиболее достоверным заимствованием, на наш взгляд, является *шинкарь*. Но оно было членимым и могло представляться языковому чутью носителей языка производным в виду наличия соотносительного с ним слова *шинок*, заимствованного как и *шинкарь* из польского языка. Относительно заимствования остальных двух слов могут быть сомнения, ибо появление их можно объяснить и без учета фактора заимствования. Слово *аптекарь* было известно уже во второй половине XVI в.<sup>17</sup>. Оно могло быть образовано на русской почве, так как русскому языку того времени уже были известны: 1) предполагаемое производящее слово *аптека*, 2) способ деривации наименований лиц от конкретных имен существительных с помощью *-арь* и 3) данный тип мотивации — наименование лица по месту труда (ср.: *вежа* — *вежарь*, *баня* — *банарь* и др.). Такие же доводы можно привести и в защиту слова *почтарь* как русского деривата, зафиксированного не ранее второй половины XVII в.<sup>18</sup> Но здесь дело не в споре. Для нас важно то, что с самого момента появления в языке письменности все они (*аптекарь*, *почтарь* и *шинкарь*) были членимыми и носителями языка воспринимались, по всей вероятности, как определенные слова-структуры с четко вычленимым суффиксом *-арь* и производящей основой.

Образования на *-арь* XV - XVII вв. в целом отличаются от имен существительных такой же структуры XI - XIV вв., обозначающих лиц главным образом по предмету как объекту труда или ухода. Для них свойственно то, что в большинстве случаев они обозначают лицо по продукту труда, например: *бочар*, *гвоздарь*, *дегтарь* и т.д. Далее, среди них впервые появляются наименования лица по орудию труда, например, *пушкарь*. В XV - XVII вв. наблюдаются также изменения в характере употребления имен существительных на *-арь* в памятниках письменности. Материалы Срезн. и КДРС позволяют нам отметить только четыре интересующих нас деривата (*банарь*, *виноградарь*, *говедарь* и *дохнарь*), свойственных лишь языку памятников письменности церковного характера. Сравнить: *Тогда епископ приведе банаря, начать прилежне истязовати его* (КДРС — ВМЧ, Дек. 31, 2752); и *призва своего виногра-*

<sup>16</sup> См.: Н. А. Смирнов, ук. соч. О слове *аптекарь* как заимствовании см. G. Hüttl-Worth, *Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550 - 1800*, Los Angeles 1963, стр. 59.

<sup>17</sup> Сравнить: *А с ним людей его двора ... Николай Ойдолинусь, его милости докторь и аптекарь ...* (КДРС — Римс. имп. д. II, 444, 1597 г.).

<sup>18</sup> По данным КДРС оно было впервые зафиксировано в Псковских актах (Псков и его пригороды, кн. 2, 481 (1699 г.). В кн.: Сборник Московского архива юстиции, т. VI, Москва 1914).

даря, виждь брате яко не име в старом древе надежды (КДРС — Ист. семи мудр., 19, XVII в.); и житие иместа с настырми и говедари (КДРС — Хр. 1512 г., 226 г.); мужь некий полаты цареви великихъ и нарочитийшихъ, дохнаръ царя болгарьского (КДРС — ВМЧ, Сент. 1 - 13, 295). Любопытно, что им присуща малоупотребительность: слово *банарь* отмечено в одном памятнике, *виноградарь* — в трех, *говедарь* — в пяти, *дохнаръ* — в одном. Все остальные отсубстантивные личные имена на *-арь* отличаются употребляемостью прежде всего в деловом языке и реже в светских памятниках письменности. Сравнить: *Николай Ойдолинусъ, его милости докторъ и обтекаръ* (КДРС — Римск. имп. д. П, 444); *в нынешнем году у города с кружечного двора на платежь бочаромъ от дела техъ бочекъ рубль шесть алтын* (КДРС — Кн. прих.-расх. Холмог. арх. д., № 102); *дано гвоздарю волочанину от тысячи гвоздей гривну денег* (КДРС — Кн. прих.-расх. Волокол. м., № 2, 120 об.); *ихъ же умышлением на окупъ дали квасниковъ, и извощиковъ, и дектяревь* (КДРС — Псков. I лет., 333); *лавка поставлена наугородцким пушкарем* (КДРС — Новг. лав. кн., 100 - 101); *а ловчие наши и псары къ ним не въезжаютъ* (КДРС — АИ, IV, 436); *прелести, государь, такие учинены были у шинкарей* (КДРС — ДАИ, V, 33).

Дальнейшая судьба отмеченных нами сравнительно немногочисленных дериватов на *-арь* в истории языка была неодинаковой. Некоторые из них из-за ограниченной сферы функционирования и неактуальности обозначаемых ими понятий очень рано вышли из употребления, напр., *дохнаръ*. Другие были вытеснены более жизнеспособными и более распространенными словообразовательными синонимами, например, *банарь* — *банник*, *банщик*. Но в отличие от таких же по структуре образований на *-арь* XI - XIV вв. подавляющее большинство их в дальнейшем сохранило свое бытование в русском языке. Это имплицировалось не только самим характером их употребления (распространением в языке светских и деловых памятников письменности), но и соответствием выражаемым ими реальным понятиям (напр.: *аптекарь*, *гвоздарь*, *дегтарь*, *звонарь*, *золотарь*<sup>19</sup>, *лекарь*, *почтарь*, *пушкарь*, *псарь*), ибо в принципе слова на *-арь* в целом, независимо от их происхождения и образования, не были столь широко распространенными в языке того периода. Так, например, в двух житиях Стефана Пермского находим лишь два слова на *-арь* (*клеветарь*, *тронарь*), употребленные по одному разу в „Житии святого Стефана епископа Пермского”<sup>20</sup>, в „Христианской топографии” Козьмы Индикоплова, по свидетельству Л. А. Илюшиной<sup>21</sup>, есть только два имени на *арь*, в „Хожде-

<sup>19</sup> По сфере употребления лексема *золотарь* присуща языку только светских и деловых памятников, а *златарь* — произведениям церковного характера.

<sup>20</sup> *Zur Wortbildung der Substantiva und Adjektiva im Altrussischen (an Hand des Wortmaterials zweier Viten Epifanij Premudryjs)*, Mannheim 1969, стр. 51.

<sup>21</sup> Л. А. Илюшина, *Система словообразовательных типов имен существительных в русском книжном языке XVI - XVII вв. (на материале списков „Христианской топографии” Козьмы Индикоплова)*. Автореф. канд. дисс., Москва 1969, стр. 13.

нии" Афанасия Никитина употреблено только два слова (*господарь, деларь*)<sup>22</sup>, в языке же „Уложения 1649 года" П. Я. Черных<sup>23</sup> отмечает лишь одну лексему на *-арь* — *пушкарь*. Появление большинства отмеченных нами дериватов на *-арь* в XV - XVII вв. и сохранение их в языке во многом обуславливалось чисто структурным фактором: формант *-арь* свободно мог присоединяться к любым по характеру финали производящим основам, оканчивающимся на одну или несколько согласных. В самом деле, если даже не учитывать образований на *-арь*, которые могут быть заимствованиями (*аптекарь, почтарь, шинкарь* и, вероятно, церковнославянское *виноградарь*), то оказывается, что для большинства из них путь деривации с помощью *-арь*, а не другого форманта (например, *-ник* или *-щик*), был наиболее легким и удобным. От слов *гвоздь, деготь, дохна, овца, пушка, стекло, осел* и др. дериваты на *-ник* или *-щик* невозможны по фонетическим причинам (на стыке морфем возникло бы стечение согласных, не свойственное русскому языку), если не будут использоваться другие пути деривации или более сложные модификации производящих как в случаях *пушечник* и *гвоздочник*.

Кроме указанные общих черт функционирования отсубстантивных дериватов на *-арь* в языке XV - XVII вв., отметим еще один частный случай, касающийся употребления слова *дегтярь*. Здесь любопытен тот факт, что наряду со значением лица по предмету как продукту труда оно могло использоваться для обозначения лица по предмету владения, заведования, торговли. Сравнить: *избишко нищего Федки Прохорова сына, дехтяря ... торгуеть дегтемь, тягла не тянеть* (КДРС-рст. П, 281). То есть по функции передачи такого значения дериват *дегтярь* совпал с более монополярными в этом отношении дериватами на *-щик* и *-ник* типа *макаронщик* и *булочник* („тот, кто изготавливает или продает макароны, булки"), образование которых было нереально от *деготь*.

Итак, на протяжении истории русского литературного языка до XVIII века деривация личных имен на *-арь* от конкретных имен существительных была формально и качественно продуктивна<sup>24</sup>.

В литературном языке последующих столетий личные имена существительные на *-арь*, соотносительные с конкретными именами существительными, употреблялись в дальнейшем. Они или были достоянием (наследством) предыдущей эпохи, или образовывались, или заимствовались. В последнем случае особенно примечательно, мотивированное с точки зрения языкового

<sup>22</sup> В. Д. Иванов, *Система суффиксального словообразования в „Хождении" Аф. Никитина*, „Ученые записки Московского государственного университета" 1948, вып. 137, кн. 2, стр. 123.

<sup>23</sup> П. Я. Черных, *Язык Уложения 1649 года*, Москва 1953, стр. 245.

<sup>24</sup> О понятии формальной и качественной продуктивности-непродуктивности см.: О. Г. Ревзина, *Структура словообразовательных полей в славянских языках*, Москва 1969, стр. 91 и след.

ощущения носителей языка, появившееся в русском языке в начале XVIII века <sup>25</sup>, слово *библиотекарь* <sup>26</sup>, которое на протяжении своей истории вплоть до наших дней широко распространилось и сохранило свою стилистическую нейтральность.

В словарях XVIII и XIX вв. зафиксированы почти все известные в XV - XVII вв. отсубстантивные личные имена существительные на *-арь*. В них также отмечаются еще другие, ранее неизвестные образования, к которым относятся следующие <sup>27</sup>: *блокарь* (Сл. 1847), *весляр* (Сл. 1847), *винарь* (Нордстет), *гусярь* (Слов. 1834), *кобзарь* (Сл. 1847), *косарь* (Нордстет), *ризничарь* (Сл. 1847), *свинарь* (Нордстет). Сюда следует отнести еще слова, зафиксированные в словарях современного русского языка, но впервые отмеченные в диалектных словарях XIX в.: *дударь* (Сл. Даля), *ложкарь* (Обл. слов. Акад. 1852), *снохарь* <sup>28</sup> (Сл. Даля), *школяр* (Доп. к Оп. обл. слов. Алад. 1858).

Словарями современного русского языка фиксируются еще: *картотекарь* (ТСРЯУш.), *рецептар* (ТСРЯУш.), *сектарь* (ТСРЯУш.), *скобарь* (ССРЛЯ), *собачар* (ССРЛЯ). Конечно, эти дериваты не являются неологизмами советской эпохи. Из них только *картотекарь*, имеющее в словаре ТСРЯУш. помету „спец.“, и *рецептар* могут быть использованы в стилистически не маркированной литературной речи. Остальные же стилистически ограничены и в словарях охарактеризованы разными ограничительными пометами: *сектарь* — „обл.“ и „простореч.“, *скобарь* и *собачар* — „устар.“.

Неологизмов на *-арь* советской эпохи в современных словарях нет. Однако единичные образования такого типа возникают в речи. Так, в центральной печати последних десятилетий появилось слово *очкарь* <sup>29</sup>, обозначающее лицо по свойственному для него признаку — „тот, кто носит очки“. Также можно отметить профессионализмы *игротекарь* и *фоноотекарь* <sup>30</sup>, образованные, по всей вероятности, по аналогии к *библиотекарь*, *картотекарь*.

<sup>25</sup> Н. А. Смирнов, ук. соч.

<sup>26</sup> По-видимому, по образцу этого слова появились *игротекарь*, *картотекарь* и *фоноотекарь*, которые по структуре производящих отличаются от остальных отсубстантивных имен на *-арь*. Они образованы от производных производящих слов (*игротека*, *картотека*, *фоноотека*), а остальные мотивируются производными словами.

<sup>27</sup> В скобках указывается первая фиксация их в словарях.

<sup>28</sup> Формально этот дериват образован не от названия предмета в точном смысле слова, а от наименования лица — *сноха*. Однако в словообразовательном отношении от ничем не отличается от дериватов типа *гусярь*, *дударь*, *кобзарь*, ибо обозначает лицо по объекту действия.

<sup>29</sup> См. А. Bartoszewicz, *Суффиксальное словообразование существительных в русском языке новейшей эпохи (на материале новообразований после 1940 года)*, Poznań 1970, стр. 34. Кстати следует отметить, что дериват *очкарь* отличается от других отсубстантивных личных имен на *-арь* по типу мотивации, так как является наименованием лица по предмету как характерному признаку.

<sup>30</sup> Эти примеры заимствованы из статьи А. И. Моисеева (*К сопоставительному изучению славянских языков*. В сб.: *Очерки по словообразованию и словоупотреблению*, Ленин-

Насколько можно судить по приведенным образованиям в истории отсубстантивной деривации имен существительных на *-арь* в литературном языке с XVIII в. по направлению к современности наблюдается постепенное угасание продуктивности их деривации. В этом отношении не менее показательно сравнение словарей по количеству зафиксированных в них интересующих нас дериватов на *-арь*: Полик. лекс. отмечает 21 слово, Рук. лекс., содержащий 16 300 слов, — 11, Нордстет — 29, САР, включающий 51 388 слов, — 26, Сл. 1847, объясняющий 114 749 слов, — 36, а в наиболее полном, охватывающем литературный язык от Пушкина до наших дней ССРЛЯ — 32. Относительно данных ССРЛЯ надо учитывать еще и то, что повторяя большинство зарегистрированных Сл. 1847 лексем на *-арь*, словарь не фиксирует слов: *блокарь*, *весляр*, *винарь*, *градарь*, *житарь*, *златарь*, *ниварь*, *пударь*, *ризничарь* и *хлебарь*, помеченные в Сл. 1847 как „церк.“ и „старинн.“; зато в ССРЛЯ включены некоторые областные и устаревшие слова, отсутствующие в Сл. 1847: *дударь*, *кобзарь*, *ложкарь*, *плугарь*, *скобарь*, *снохарь*, *собачар* и *трапезарь*. Уже этот только количественный фактор убеждает нас в том, что деривации отсубстантивных личных имен на *-арь* на протяжении XIX и XX вв. становится все ограниченнее и что удельный вес имен на *-арь* в составе лексики современного русского литературного языка резко падает.

С постепенно нарастающим ограничением деривации отсубстантивных личных имен на *-арь* непосредственно связаны процессы, протекавшие в области словоупотребления.

Привлекает внимание прежде всего малое количество употребляемых слов на *-арь* в целом и низкая частотность каждого в отдельности. Это подтверждают количественные данные языка произведений М. В. Ломоносова и А. С. Пушкина. По данным КСЯЛ в языке поэзии Ломоносова нет ни одной лексемы на *-арь*. В языке прозы находим лишь 7 слов на *-арь* независимо от значения и структуры, количество употреблений которых, указываемое нами в скобках, весьма примечательно: *аптекарь* (1), *лопарь* (8), *писарь* (1), *почтарь* (1), *пушкарь* (2), *столяр* (3), *сухарь* (2). Такое положение имен на *-арь* в языке прозаических произведений Ломоносова можно частично объяснить их преимущественно научным характером. Однако почти такую же картину наблюдаем в языке произведений Пушкина. По данным СЯП в лексическом составе языка произведений Пушкина имеется лишь 16 слов на *-арь*. Из них 7 слов являются отсубстантивными личными именами, не отличающимися как и остальные сравнительно высокой употребительностью: *аптекарь* (6), *гусярь* (2), *почтарь* (1), *псарь* (10), *рыбарь* (5), *фузиляр*<sup>31</sup> (1), *школяр* (1).

Следующей важной чертой является стилистическая неоднородность

---

град 1965, стр. 92), который извлек их из Тарифно-квалификационных справочников и Словарей занятий, изданных в советскую эпоху.

<sup>31</sup> Это слово, производное от *фузия*, отмечено только в СЯП.

лексем на *-арь*. В языке XVIII и XIX вв. многие из них, как указывают САР и Сл. 1847, были стилистически маркированы как церковные или славянские, например: *винарь*, *виноградарь*, *вратарь* (в значении „привратник”), *градарь*, *житарь*, *ризничарь* и др. Некоторые были простонародными (например, *почтарь*) или старинными (например, *хлебарь*). Сравнительно немалую группу составляли стилистически нейтральные имена на *-арь*, например: *аптекарь*, *бочар*, *гвоздарь*, *гончар*, *гуслар*, *овчар*, *псарь*, *свинарь*, *столяр*. Примечательно, что эта группа включает преимущественно слова, ранее употребляемые в светских и деловых памятниках письменности.

В словарях современного литературного языка многие слова на *-арь*, известные языку письменности в прошлом, не фиксируются, так как они или вышли из употребления (например: *винарь*, *градарь*, *житарь*), или были вытеснены синонимическими стилистически нейтральными образованиями (ср. *хлебник* вместо *хлебарь*), или стали достоянием лишь местных говоров (например: *говядарь*, *скотарь*)<sup>32</sup>. Среди зафиксированных же слов, как и ранее в XVIII - XIX вв., наблюдается неоднородность в стилистическом плане. Подобно церковным, славянским и старинным словам в САР и Сл. 1847, здесь наиболее многочисленную группу составляют слова устарелые и просторечные (их 17): *золотарь*, *ключарь*, *корчмарь*, *лекарь*, *пушкарь*, *рыбарь*, *собачар* и др. Меньшей по количеству составляющих оказывается группа стилистически нейтральных слов (их 12), большинство из которых было отмечено ранее в САР и Сл. 1847 без ограничительных помет: *библиотекарь*, *бочар*, *гвоздарь*, *гуслар*, *овчар*, *псарь* и др.

Эти факторы (малое общее количество отсубстантивных личных имен на *-арь*, низкая частотность их употребления в языке и стилистическая неоднородность) не могли не оказать влияния на деривацию личных имен существительных от конкретных имен существительных с помощью *-арь* в современном русском литературном языке. В настоящее время деривация такого рода слов становится формально непродуктивной. Принимая же во внимание новейшие образования *игротекарь*, *очкарь*, и *фонотекарь*, можно утверждать, как это делают авторы новейшей академической грамматики<sup>33</sup>, что продуктивность, точнее формальная продуктивность деривации отсубстантивных личных имен существительных на *-арь* обнаруживается лишь в разговорной речи и просторечии.

На фоне общей картины отсубстантивной деривации личных имен на *-арь* в историческом развитии, заслуживают внимание некоторые сдвиги в функционировании отдельных интересующих нас дериватов. Пержде всего наблюдается появление новых частных, сопутствующих значений у того или иного

<sup>32</sup> Подробнее о перемещении лексем на *-арь* в местные говоры см. указанную статью А. И. Моисеева (стр. 92).

<sup>33</sup> *Грамматика современного русского литературного языка*, стр. 106.

деривата. Так, некоторые дериваты, обозначающие лицо по месту труда или по предмету как объекту труда, могли выражать, не одно, а несколько значений в пределах общего значения лица, например: *аптекарь* — „владелец аптеки” и „работающий в аптеке” (САР); *овчар* — „пастух овечий” и „кто за овцами обиход имеет и разводит оных” (САР). В принципе новые частные значения появляются в ходе функционирования дериватов в речи. Эти значения основаны на тех же отношениях между предметами действительности, выражаемых дериватами данного типа, или на переносном словоупотреблении. Приведем несколько примеров. Вначале *ключарь* обозначало лишь „духовное лицо, заведующее церковной утварью” (Срезн., САР, Сл. 1847), а потом обросло значением „лицо, хранящее ключи от чего-либо” (СРЯ). Наряду со значением „сборщик мыта” в церковных текстах лексема *мытарь* обозначала в просторечии „плутового, пронырливого, лживого человека” (Сл. 1847). Слово *золотарь*, обозначающее ремесленника по предмету труда, переносным образом приобрело значение „ассенизатор, профессионал по очистке отхожих мест” (Сл. 1847, ТСРЯУш.). Дериват *школяр* первоначально служил только для передачи значения „ученик школы”, а потом на этой базе развилось ироническое, уничижительное значение „человек с крайне ограниченными, примитивными школьными знаниями”. Ср. употребление слова *школяр* в произведениях Н. С. Лескова: *Назад тому лет двадцать, когда я был школяром и ходил в одну из петербургских гимназий ...* (Павлин); *... сошел на позиции школяра.* (Загадочный человек).

В отношении истории функционирования отдельных отсубстантивных дериватов на -арь со значением лица особое место занимает слово *вратарь*. В древнерусском языке это слово имело значение „дверник, привратник, сторож у ворот” (Срезн.). В этом значении в САР оно отмечается как „слов.”, в Сл. 1847 — как „церковное”, а в словарях современного языка — как „устар.”. Однако в спортивной терминологии уже в советскую эпоху на месте заимствованного из английского *голкипер* стало употребляться *вратарь*. Слово *вратарь* в значении *голкипер*, вероятно, можно рассматривать как результат возрождения старого слова *вратарь*, семантически преобразованного и приспособленного к новым явлениям действительности, одновременно сохраняющего выражение того же основного понятия — „сторож при воротах”. Такие случаи в языке не являются чем-то странным. Достаточно здесь указать лишь на известное уже в древнерусскую эпоху слово *спутник*, которое в советскую эпоху семантически переосмыслилось и широко распространилось в значении „космический аппарат”. Есть и другое истолкование слова *вратарь* (голкипер), согласно которому оно является новообразованием советской эпохи от *ворота*<sup>34</sup>. Такое объяснение, на наш взгляд, менее вероятное, так как неясным оказывается, почему от слова *ворота* образовано необычное в словообразовательном

<sup>34</sup> Там же.

отношении *вратарь* без полногласной основы, а не *воротарь*, появлению которого не препятствовали никакие морфонологические и фонематические причины.

Таким образом, на протяжении истории русского литературного языка имена существительные на *-арь*, соотносительные с конкретными именами существительными, в общем были довольно монолитны в структурно-функциональном плане. Они производились от названий предметов, в основном непроемных по структуре, и обозначали лицо по предмету. Однако есть и отступления. Они немногочисленны и незначительны. По характеру производящего и по типу логико-семантической мотивации своего рода исключением является дериват *главарь*, произведенный от *глава* в значении „человек-вождь” и передающий значение „руководитель, вожак” с оттенком неодобрительности. По-видимому, оттенок неодобрительности является основной приметой этого деривата, что можно проиллюстрировать примером из писем А. П. Чехова: „Некоторые главари кружков, люди с весом, ездили к Дурново просить разрешения. (А. П. Чехов, Письмо к Е. П. Егорову, 18 декабря 1891 г.). Отступлениями в функциональном плане, т.е. дериватами со значением не-лица являются: *гнездарь* („ловчая молодая птица, вынутая из гнезда и приученная к ловле” — САР, Сл. 1847, ТСРЯУш.), *зубарь* („род столярного струга, имеющего на лезвии мелкие и частые зубцы” — САР, Сл. 1847), *косарь* („большой нож похожий на косу” — Сл. 1847, СОж., СРЯ, ССРЛЯ), *носарь* („рыба, вид ерша” — Сл. Даля, ТСРЯУш., СРЯ, ССРЛЯ). Эти дериваты отличаются от отсубстантивных личных имен существительных на *-арь* не только своим значением, но и типом мотивации; они обозначают предметы действительности по отношению к их признакам как предметам.

#### Основные источники и сокращения

- Доп. к. Оп. обл. слов. Акад. 1858 — Дополнения к „Опыту областного великорусского словаря”, Санкт-Петербург 1858.
- КДРС — Картотека древнерусского словаря, хранящаяся в Институте русского языка АН СССР в Москве. Сохраняются сокращения, принятые в картотеке. Об объеме, составе и количестве в ней карточек см. Лингвистические источники. Фонды Института русского языка, Москва 1967, стр. 106 - 111.
- КСДЯ — Картотека Словаря древнерусского языка XI - XIV вв., хранящаяся в Институте русского языка АН СССР в Москве. Сохраняются сокращения, принятые в картотеке. Описание КСДЯ - см. Лингвистические источники, ук. соч., стр. 124 - 133.
- КСЯЛ — Картотека Словаря языка Ломоносова кафедры русского языка Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина в Казани. Она составлена на основании сплошных выписок из 10-ти томного издания сочинений М. В. Ломоносова.
- Нордстет — И. Нордстет, Российский, с немецким и французским переводом, словарь, ч. 1 - 2, Санкт-Петербург, 1780 - 1782.
- Обл. слов. Акад. 1852 — Опыт областного великорусского словаря, Санкт-Петербург 1852.

- Полик. лекс. — Ф. Поликарпов, Лексикон трезычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное, Москва 1704.
- Рук. лекс. — Рукописный лексикон первой половины XVII века, Ленинград 1964.
- САР — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный, ч. I - VI, Санкт—Петербург 1789 - 1794.
- Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отд. имп. АН, т. 1 - 4, Санкт—Петербург 1847.
- Сл. Даля — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1 - 4, изд. 3., Санкт—Петербург—Москва 1904 - 1909.
- Слов. 1834 — П. С. (П. П. Соколов), Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений, ч. I - II, Санкт Петербург 1834.
- СОж. — Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов, изд. 6, Москва 1964.
- Срезн. — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I - III, Санкт—Петербург 1893 - 1912. — Сохраняются сокращения, принятые Срезневским.
- СРЯ — Словарь русского языка, т. 1 - 4, Москва 1957 - 1961.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 1 - 17, Москва—Ленинград 1950 - 1965.
- СЯП — Словарь языка Пушкина, т. 1 - 4, Москва 1956 - 1961.
- ТСРЯУш. — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1 - 4, Москва 1935 - 1940.

## THE HISTORY OF THE DERIVATION OF *ar'*-SUBSTANTIVAL NOUNS IN LITERARY RUSSIAN

by

ALBERT BARTOSZEWICZ

### Summary

The article presents an attempt of structurally-functional approach to the history of the derivation of *ar'*-substantival nouns of literary Russian since the initial stages of Russian literature until now. In various moments of the development of Russian noun derivation, a given type of it was either increasing or diminishing due to certain internal and external influences. Such elements as: the stylistic function of *ar'*-lexemes, external borrowings and semantic specialization of derivatives based on one type of motivation played a significant role. The same concerns formative synonyms forcing out the mentioned derivatives or limiting the range of their derivation.